

И врагу никогда не добиться...

М. Ю. Мягков*

В конце октября 1941 г. враг стоял уже у ворот столицы. Чтобы снять непосредственную угрозу городу, необходимо было подготовить контрнаступление с использованием новых воинских соединений. Но начавшееся в середине ноября второе наступление немцев на Москву заставило на время отказаться от этого замысла. Для отражения вражеских ударов потребовалось привлечь значительную часть готовившихся резервов. Нужда в них была весьма острой особенно после падения Солнечногорска. Поэтому 24 ноября Ставка приняла решение о переброске под Москву семи резервных армий. Причем поставленные перед ними задачи носили первоначально оборонительный характер. Так, 10-я армия должна была не допустить выдвижение противника на Рязань, 26-я — в направлении Коломны, 61-я армия — к Рязьску и Раненбургу и т. д.¹

Но и тянуть с переходом в контрнаступление теперь было нельзя, иначе противник мог, не добившись поставленной цели, занять жесткую оборону, по-прежнему находясь на ближайших подступах к Москве. 29 ноября командующий Западным фронтом Г. К. Жуков попросил Сталина отдать приказ о переходе в наступление. Жуков вспоминал: «...29 ноября я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления...

[Сталин]... А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет

возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?

[Жуков]... Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами...

Поздно вечером 29 ноября нам сообщили решение Ставки о передаче Западному фронту 1-й ударной и 10-й армий и всех соединений 20-й армии...»².

Рассмотрев предложения Жукова, Ставка довела до командующих фронтами общие задачи предстоящего контрнаступления. Что же представлял из себя его план? По существу, для доклада Сталину были подготовлены всего одна карта, на которой красным карандашом были изображены полосы наступления, и объяснительная записка к ней. В объяснительной записке от 30 ноября 1941 г. говорилось:

1. Начало наступления, исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их довооружения: 1-й ударной, 20-й и 16-й армиям и армии Голикова — с утра 3–4 декабря, 30-й армии — 5–6 декабря.
2. Состав армий согласно директивам Ставки и отдельные части и соединения, ведущие бой на фронте в полосах наступления армий, как указано на карте.
3. Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана

* **Михаил Юрьевич Мягков** — д.и.н., профессор кафедры отечественной и всемирной истории МГИМО(У) МИД России, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.

разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

4. Чтобы сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск 5-я, 33-я, 43-я, 49-я и 50-я армии фронта 4–5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.
5. Главная группировка авиации ($\frac{3}{4}$) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть — с левой, армией генерал-лейтенанта Голикова».

Под документом стояли подписи Жукова, Соколовского³ и Булганина⁴. Передавая документ через заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Василевского, Жуков тогда же написал несколько строк непосредственно для него: «Прошу срочно доложить Народному Комиссару Обороны т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой». Резолюция Сталина была короткой: «Согласен. И. Сталин»⁵.

Таким образом, замысел контрнаступления не предусматривал глубокой и далеко идущей операции. Жуков намеревался разгромить передовые части противника и отбросить их на несколько десятков километров от Москвы. Немецкому военному руководству не удалось получить достоверных данных, раскрывающих замысел советской стороны⁶. ГА «Центр», возобновив наступление на Москву в середине ноября 1941 г., так и не смогла выполнить поставленную перед ней задачу по взятию советской столицы. В начале декабря она достигла пределов своих возможностей, хотя отдельные ее соединения и части продолжали атаки на советские позиции. На северо-западе от Москвы немцам на короткое время удалось достичь Красной Поляны, откуда они могли вести уже огонь из тяжелых орудий по Москве, а также использовать этот район в качестве плацдарма для удара по городу.

Чтобы предотвратить это, советское командование перебросило на этот участок дополнительные сухопутные силы и приказало нанести по германским позициям бомбово-штурмовой удар. Начальник штаба 6-го ИАК полковник И. И. Комаров вспоминал впоследствии о налете на немецкую группировку в районе Красной Поляны 4 декабря 1941 г.: «После двух часов штурмовки все они (немцы) вылезли (из окопов) и бежали. Все дороги заполнились спецмашинами, танками, повозками. И в этот момент мы

их били, били и били...». Борьба в окрестностях Красной Поляны продолжалась, однако, несколько дней⁷.

Кульминационный момент сражений под Москвой наступил, когда положение ГА «Центр», как отмечал академик А. Самсонов, стало характеризоваться следующими факторами:

- армии фон Бока растянулись одним эшелон на фронте до 1000 км;
- над фланговыми группировками ГА «Центр» нависли с севера войска Калининского фронта, а с юга — армии левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов;
- коммуникации группы фон Бока подвергались постоянным ударам советских партизан и авиации;
- к тому же началась холодная и снежная зима, к которой Красная армия была подготовлена намного лучше⁸.

В осенне-зимних боях 1941 г. части вермахта понесли большие потери, многие части были, по существу, обескровлены. Всего немцы с 16 ноября до начала декабря 1941 г. потеряли 155 тыс. человек убитыми и ранеными, 300 орудий, около 800 танков и до 1500 самолетов⁹. Все эти факторы в значительной мере предопределили разразившийся под Москвой невиданный кризис германской армии. К тому же в конце ноября советские войска добились больших успехов на флангах советско-германского фронта — под Тихвином и Ростовом. Освобождение этих городов не только сорвало немецкие планы соединения с финнами и выхода к Кавказу, но и способствовало созданию условий для начала контрнаступления Красной армии на центральном участке фронта.

Время для удара по войскам ГА «Центр» было выбрано советским командованием очень удачно. Противник был истощен, но еще не перешел полностью к жесткой обороне. Нужно было использовать выгодную ситуацию, пока фон Бок не получил подкрепления из Германии и оккупированных стран Европы. Советская группировка под Москвой, несмотря на потери, за счет сформировавшихся резервов к началу декабря включала в себя 1100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1000 самолетов. Группа армий «Центр» к этому времени насчитывала 1708 тыс. человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов. Она превосходила советские войска в личном составе в 1,5 раза, в артиллерии — в 1,8, танках — в 1,5 раза и только в самолетах уступала им в 1,6 раза.

По сути, это советское контрнаступление явилось уникальным явлением в мировой истории войн: переход от обороны к стратегическому наступлению осуществлялся меньшими, чем у противника силами. Но советские командование учитывало не только соотношения сил, но и другие факторы: измотанность немецких войск, отсутствие у них заранее подготовленных оборонительных позиций, их неготовность к ведению войны в суровых зимних условиях, высокий моральный дух советских воинов.

Советское контрнаступление началось для германского командования внезапно. Наиболее чувствительными к ударам Красной Армии оказались соединения вермахта, находившиеся на флангах группы фон Бока. Они практически до последнего момента не предпринимали никаких мер на случай отступления. 5 и 6 декабря войска Калининского и Западного фронтов, 7 декабря — Брянского фронта, подобно нарастающей лавине, двинулись вперед. Красноармейцы часто шли в атаку без привычной артиллерийской подготовки, что усиливало эффект внезапности советского удара. В результате прорывов линии фронта среди части германских солдат и даже офицеров стали возникать панические настроения. Тем не менее овладение укрепленными пунктами противника нередко превращалось в жестокие кровопролитные сражения. В основной своей массе военнослужащие вермахта пока не готовы были признавать превосходство Красной армии и отчаянно сопротивлялись.

На северо-западных подступах к Москве с началом советского контрнаступления 1-я ударная, 16-я и 20-я армии нанесли 3-й танковой группе сильные удары в районах Яхромы, Красной Поляны и Крюкова и начали теснить ее части. Дивизии 4-й танковой группы были окончательно остановлены на линии, которая пересекала Ленинградское, Пятницкое и Волоколамское шоссе в 15–23 км от главного рубежа Московской зоны обороны, проходившего в районе современной Московской кольцевой автомобильной дороги. Командующий группой генерал Гепнер доложил фон Боку, что боевые силы его объединения быстро тают и он вынужден начать отход.

Южнее столицы 7 декабря перешла в наступление оперативная группа генерала Ф. Я. Костенко (5-й кавалерийский корпус, 1-я гвардейская стрелковая дивизия, 129-я танковая бригада и 34-я мотострелковая бригада), которая была сосредоточена в тылу Юго-Западного фронта.

Главный удар пришелся по 95-й и 45-й пехотным дивизиям 2-й армии генерала Р. Шмидта. Силы немецкой армии оказались рассеяны на две части. Настоящий кризис возник в районе г. Ливны. 7 декабря генерал Шмидт сообщал в штаб ГА «Центр»: «На будущее инициатива наступления переходит в руки противника, который получает свободу действий в переброске и сосредоточении сил...»¹⁰.

Вскоре к наступлению группы Костенко присоединились еще более крупные силы советского Юго-Западного фронта — 13-я армия генерал-майора А. Городнянского и 3-я армии генерал-майора Я. Крейзера¹¹. Немцы оказались перед угрозой глубокого оперативного прорыва Красной армии на курском и орловском направлениях. Это создавало опасность нарушения важнейших коммуникаций и путей отхода немецкой 2-й танковой армии. В свою очередь, соединения 2-й танковой армии, атакованные ударными силами 10-й советской армии (командующий генерал-лейтенант Ф. И. Голиков) и оперативной группы генерал-майора П. А. Белова, вынуждены были уже 7 декабря 1941 г. оставить город Михайлов и начать отход от Тулы¹².

6 декабря 1941 г. штаб ГА «Центр» отдал приказ на отход части сил 3-й и 4-й танковых групп на новые рубежи. Для рытья окопов и постройки ДОТов укрепрайона Истра срочно перебрасывались саперы¹³. Отступая с оккупированной территории, германские войска оставляли за собой выжженную землю. На мирное советское население обрушились новые ужасающие бедствия. Античеловеческая сущность нацизма отразилась в приказе командира дивизии СС «Райх» от 8 декабря 1941 г. В нем, в частности, говорилось: «...7) Все войсковые части, расположенные в населенных пунктах восточнее Истры, являются ответственными за то, чтобы места расквартирования были бы сожжены без остатка. Для каждого дома должны быть приготовлены пучки соломы и бутылки с бензином. Все дома должны быть подожжены в 7:00 9 декабря. Надо следить за тем, чтобы зарево от пожаров не привлекло внимание противника...»¹⁴. Подобные приказы стали в то время обычным явлением для германской армии. Причем созданием после себя «полной пустыни» занимались не только войска СС, но и обычные части вермахта.

Тем временем ГА «Центр» продолжала откатываться назад. Темпы советского контрнаступления нарастали. 11 декабря советские граждане наконец услышали из фронтовых

сводок то, о чем мечтали, на что надеялись и что считали неизбежным. В сводке Совинформбюро «О провале немецкого плана окружения и взятия Москвы» сообщалось: «(...) С 16 ноября 1941 г. германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву. Противник имел целью путем охвата и одновременного глубокого обхода флангов фронта выйти нам в тыл и окружить и занять Москву... 6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...»¹⁵.

После 8 декабря 1941 г. германское командование окончательно убедилось, что советское наступление грозит крупнейшим с начала войны поражением немецкой армии. Штаб ГА «Центр» был чрезвычайно обеспокоен тем, что войска Красной армии стремятся охватить кольцом соединения 3-й танковой группы и для этого развивают свой успех в направлении Клина¹⁶. В районе этого города развернулись сильные бои. Замысел советского наступления, известный сегодня под названием Клинско-Солнечногорской операции, заключался в том, чтобы ударами 30-й армии с севера и 1-й ударной, 20-й и 16-й армий с востока рассеять основные силы немецких 3-й и 4-й танковых групп в районе Клина, Истры, Солнечногорска, создав благоприятные условия для дальнейшего развития наступления на запад.

Немцы оказывали упорное сопротивление. Клин был узлом, который связывал между собой соединения 3-й танковой группы, а всю эту группу — с тылом ГА «Центр». Выход советских частей к городу создавал серьезную угрозу всем немецким войскам, действовавшим северо-западнее Москвы. Соединения 30-й армии Западного фронта охватили Клин с северо-запада, севера и востока, а 1-й ударной армии — с юго-востока. Чтобы обеспечить отвод главных сил 3-й и 4-й танковых групп на рубеж Волоколамск-Руза, немецкое командование продолжало цепляться за каждый удобный для обороны пункт. Темпы наступления 1-й ударной и 30-й советских армий в этот момент снизились. С другой стороны, переброска в этот район немецких частей облегчила наступательные действия другим войскам правого крыла Западного фронта

(16-й и 20-й армиям), которые наносили удары по врагу на солнечногорском и истринском направлениях¹⁷. 12 декабря 1941 г. советские войска освободили города Солнечногорск и Истра. Фронт подошел вплотную к Истринскому водохранилищу.

8 декабря 1941 г. Гитлер признал, наконец, что наступление на Москву в 1941 г. окончательно сорвалось. Он дал принципиальное согласие на отход своих войск на новые тыловые рубежи. Однако потребовал предварительно подготовить их: «отрыть стрелковые окопы, установить печи в землянках...» и т. п.¹⁸. В директиве фюрера говорилось о необходимости «прекращения всех крупных наступательных операций». Но признавать крах всего плана по разгрому СССР Гитлер не собирался. Дело в том, что Германия, по его мнению, вступала теперь в новый этап борьбы. Решающие сражения за переустройство всего мира только начинались. 7 декабря японские самолеты разбомбили американскую военноморскую базу в Перл-Харборе. Война де-факто превратилась в глобальный конфликт. Гитлер был к этому психологически готов. Вступление Америки в войну, по его расчетам, должно было придать новый импульс боевым действиям на Восточном фронте, правда, теперь уже в следующем году. Решение на переход к обороне было обусловлено Гитлером созданием предпосылок для возобновления в 1942 г. больших наступательных операций на южном фланге советско-германского фронта¹⁹.

Наступление частей РККА под Москвой развивалось по-разному: оно могло быть стремительным в одних районах, в других за опорные пункты противника шли многодневные кровопролитные бои. На разгром немецких частей у поселков Красная Поляна, Крюково, Ленино советские войска затратили 3–4 суток, у Клина — 6, у Наро-Фоминска — 9 и у Калинина — 12 суток. В течение 5 суток шли тяжелые бои на рубеже Истринского водохранилища и р. Истры, где немцы, взорвав плотину, сосредоточили два корпуса и пытались сорвать наступление 16-й армии Рокоссовского. И только, когда генерал организовал две подвижные группы для наступления в обход водохранилища и осуществил смелый маневр, немцы осознали, что могут попасть в окружение. Германским соединениям был отдан приказ быстро отходить на линию рек Лама и Руза. К 15 декабря подвижные группы 16-й армии совместно со 2-м гвардейским кавалерийским корпусом генерала Л. Доватора

начали преследование противника²⁰. Но за счет сокращения линии фронта и подхода резервов немцы в 2 раза увеличили плотность своей оперативной группировки и создали на ружском рубеже прочную оборону²¹.

Тем не менее в этих действиях советские воины ощутили уверенность в своих силах. Наступление Красной армии проводилось на широком фронте, и прорывы немецкой обороны неизбежно следовали один за другим. Командование Западного фронта подготовило специальную директиву относительно тактики наступления. Генерал армии Г. К. Жуков потребовал 9 декабря 1941 г. от всех командующих армиями категорически запретить ведение фронтальных боев. Он приказал шире применять обходы, а для этого формировать ударные группы, которые во вражеском тылу должны были уничтожать склады, артиллерийскую тягу и т. п. Предусматривалось атаковать немцев днем и ночью, обеспечивая войскам защиту от возможных контрударов противника²².

Справедливости ради отметим, что приказ применять обходные маневры при наступлении был разослан командующим советскими фронтами и отдельными армиями еще утром 8 декабря 1941 г. В документе, подписанном начальником Генштаба Шапошниковым, говорилось: «При встрече с опорными пунктами противника оставлять на их фронте небольшие заслоны, а всеми силами стремительно развивать наступление на флангах, стыках и в промежутках его боевых порядков. ... Решительные и быстрые действия войск при наступлении должны сломить сопротивление противника, ... вызвать беспорядочный отход его частей и обеспечить наиболее полный разгром врага»²³.

Если говорить о первенстве в указании не бить врага в лоб, то оно принадлежит все же генералу армии Г. К. Жукову. Стремление применять обход логически вытекало из складывавшейся обстановки на фронте. Именно Жуков еще в ночь на 8 декабря послал радиogramму генералу Белову следующего содержания: «Если Вы хотите отличиться и иметь богатые трофеи, не жмите с фронта, а, придерживая, обходите быстрее противника юго-восточнее Венев; и не бойтесь смелых обходов, так как левее Вас действует армия Голикова, которая завтра будет подходить к Сталиногорску»²⁴.

Итог известен. В результате смелых действий частей генерала Белова и других советских командующих многие соединения про-

тивника оказались под угрозой окружения. Их отступление ускорилося и часто происходило беспорядочно. В районе южнее и юго-восточнее Тулы советские войска смогли захватить действительно богатые трофеи. На южном фланге ГА «Центр» отход немецких дивизий местами стал превращаться в бегство.

К середине декабря Западный, Калининский и Юго-Западный фронты достигли линии, с которой войска ГА «Центр» начали свое ноябрьское наступление на Москву, а местами продвинулись далее на запад. Столь быстрое советское наступление грозило крахом всего фронта группы фон Бока. Чтобы предотвратить катастрофу, немецкое командование решило срочно готовить новые тыловые рубежи. Сильной стороной германских пехотных подразделений было умение быстро окапываться и создавать эффективные препятствия на пути противника. Однако зимой 1941 г. частям вермахта приходилось иметь дело с ледяным застывшим грунтом, работа с которым требовала большого времени. 12 декабря 1941 г. штаб 9-й армии издал приказ широко использовать при строительстве укреплений (причем на самых тяжелых работах) местное население. Подчеркивалось, что «впереди позиций на глубину до 20 км необходимо подготовить создание «полной пустыни». В этой зоне русские не должны найти ни одного жилого дома, ни одного сарая, ни одного пучка соломы, ни одного домашнего животного и ни одной картофелины. Для этого в более поздний период должны быть сожжены все поселения до последней избы...»²⁵. Тысячи советских крестьян обрекались этим приказом на смерть от холода и голода.

Войска советских 30-й и 1-й ударной армий продолжали теснить соединения северного фланга ГА «Центр». 15 декабря был взят Клин. Его освобождение решило судьбу Калинина. 16 декабря в этот город вошли войска генерала И. Конева²⁶. Угроза охвата немецких 9-й армии и 3-й танковой группы еще более возросла. Г. К. Жуков не намеревался давать противнику передышки. 16 декабря генерал Гепнер под давлением обстоятельств отдал распоряжение об отводе подчиненных ему сил далее на запад²⁷.

На южном фланге ГА «Центр» еще 9 декабря части Красной армии освободили Елец, а 12 декабря войска Юго-Западного фронта (13-я армия и оперативная группа Костенко) смогли частично окружить елецкую группировку немцев.

14 декабря в контрнаступление включилась еще одна советская армия, 49-я (командующий

генерал И. Г. Захаркин). Войска Юго-Западного фронта (командующий до 18 декабря 1941 г. маршал С. К. Тимошенко) сумели почти полностью разгромить немецкий 34-й армейский корпус 2-й армии. 21 декабря немецкое командование отдало приказ о его расформировании. Успешное взаимодействие войск левого фланга Западного и правого фланга Юго-Западного фронтов позволило им за десять дней боев отбросить 2-ю танковую армию на 80–100 км и нанести серьезное поражение 2-й немецкой армии. Фон Бок принял решение возложить руководство боевыми операциями на этом участке целиком на генерала Гудериана. 12 декабря 1941 г. 2-я армия и 2-я танковая группа временно объединились в «армейскую группу Гудериана». Ей ставилась задача «остановить прорвавшегося противника на линии: район восточнее Курска — район Новосиль — район Алексина...»²⁸.

Новое объединение немецких сил произошло 15 декабря 1941 г., когда войска 4 ТГр, с приданной ей 3 ТГр вошли в подчинение 9 А²⁹. Производились и другие изменения в составе группы армий, во многом вследствие быстро тающей боеспособности механизированных соединений. Танковые дивизии понесли значительные потери в людях и особенно в материальной части и не могли теперь рассматриваться как эффективные боевые единицы. Однако быстро исправить ситуацию подобными реорганизациями было невозможно. Для действенного заслона советскому контрнаступлению требовались более серьезные решения.

16 декабря 1941 г. в ГА «Центр» от командования 2-й танковой армии пришло донесение, что:

- «артиллерия 4-й танковой дивизии (тд) состоит всего из трех легких и двух тяжелых батарей;
- 3-й танковой дивизии немедленно требуется несколько дней для отдыха;
- 4-я танковая дивизия вынуждена была в Веневе взорвать 14 танков из-за отсутствия запасных частей;
- танковая армия располагает еще распределенными по фронту около 40 танками, но их применение из-за условий погоды и местности в высшей степени ограничено».

В тот же день советские части вклинились в оборону 4-й армии противника на фронте р. Ока и Протва и продолжили теснить дивизии 4-й танковой группы, которые, как сообщалось в немецких донесениях, были «переутомлены,

истощены и из-за отсутствия горючего принуждены были бросить большую часть своего тяжелого оружия и материальной части»³⁰.

Постоянное преследование Западным и Калининскими фронтами утомленных германских частей создавал условия, при которых вывод последних из боя грозил стать неконтролируемым процессом с полной потерей взаимодействия. 16 декабря 1941 г. в ситуацию вмешался лично фюрер. Гитлер отдал приказ, запрещавший проведение крупных отступательных операций — документ, известный также под названием «держаться». Он требовал фанатически упорного сопротивления противнику. Любое отступление могло производиться только с санкции вышестоящего начальства. Одновременно, приказом предусматривалась переброска на фронт с Запада маршевых батальонов³¹.

В ночь на 17 декабря в соединения 2-й, 4-й, 9-й армий и 2-й танковой армии ушла телеграмма фон Бока с приказом о мерах по усилению стойкости войск. «...Только там, где противник будет встречать ожесточенное сопротивление, — говорилось в ней, — он будет вынужден отказаться от новых попыток прорыва. Отступлением его к этому не побудить... Никто не может быть снят с передовой. Подкрепление в ближайшее время не ожидается. Действительности нужно смотреть в глаза...»³². Однако этот приказ не спас фон Бока от отставки. Гитлер уже решил, кого он уберет из «провинившихся» генералов. 18 декабря фон Бок передал свои полномочия новому командующему группой, фельдмаршалу Г. фон Клюге. Гитлер посчитал необходимым заменить на своем посту и командующего сухопутными войсками фон Браухича, который, по его мнению, был более не способен действовать в кризисной ситуации. 19 декабря Гитлер официально возложил на себя обязанности командующего сухопутными войсками Германии.

20 и 21 декабря 1941 г. новый командующий ГА «Центр» получил еще два приказа, содержащие требования проявлять фанатическую волю в защите территорий³³. Гитлер подчеркивал: «...каждый населенный пункт должен быть сожжен и разрушен, чтобы противник был лишен мест расквартирования...»³⁴. Анализ положения на советско-германском фронте зимой 1941/42 г. показывает, что приказ Гитлера «держаться» был, вероятно, единственно приемлемым для вермахта выходом в тех условиях. Предотвратить панику и повторение в том или ином виде судьбы наполеоновской армии 1812 г. можно было

только чрезвычайными мерами. Но, казалось бы, единственно верное решение в более отдаленной перспективе вело к росту недоверия немецких солдат и офицеров к высшему руководству, узурпировавшему бывшие прерогативы младших военачальников. В донесениях генералов с фронта в штаб ГА «Центр» прослеживалось разочарование по поводу такого подхода. Отрицательная оценка, которую этот приказ получил среди значительной части военнослужащих вермахта, указывал на то, что дух и традиции германской армии были поколеблены. Восстановить их на прежнем уровне ни Гитлеру, ни его генералам уже никогда не удалось.

Во второй половине декабря 1941 г. нажим советских войск на ГА «Центр» продолжал усиливаться. С полной силой это проявилось на участках юго-западнее Калинина, в районе Рузы и западнее дороги Тула — Серпухов. 20 декабря обострилось положение на фронте 2-й танковой армии. Боевая мощь ее отдельных дивизий могла сравниться теперь с усиленным пехотным полком. Критической оставалась ситуация и на участке 4-й танковой группы. Ее штаб констатировал, что «в некоторых местах противнику удалось отрезать пути отступления...»³⁵. Генерал-полковник Гепнер в телеграмме от 21 декабря 1941 г. крайне негативно отнесся к приказам вышестоящего командования, которые мешали, с его точки зрения, руководству войсками³⁶.

Приказ «держаться» повлиял на ожесточенность немецкого сопротивления. Это видно на примере боев за г. Волоколамск, к которому в середине декабря подошли соединения 16-й армии Рокоссовского. Еще ранним утром 18 декабря в штаб армии поступило распоряжение Жукова, который торопил с захватом города, имевшего важное значение для дальнейшего развития удара. В нем говорилось: «Ставка поручила лично Вам не позже 12 часов 18 декабря 1941 г. захватить г. Волоколамск силами группы Катукова и группы Ремизова. После захвата Волоколамска приказать Ремизову захватить Суворово и войти в подчинение командарма Кузнецова, которому и сообщить свое местонахождение... О захвате Волоколамска донести мне и Ставке не позже 16:00 18 декабря. Жуков»³⁷. Приказ следовало выполнять, однако сломить с ходу немецкую оборону Рокоссовский не смог. Бои за город продолжались еще два дня, и он был освобожден частями 16-й и 20-й армий при содействии 1-й ударной армии (генерала В. И. Кузнецова) Западного фронта только 20 декабря 1941 г.

В этот же день войска 1-й ударной армии вышли к реке Ламе, но попытки наших соединений сохodu развить успех, достигнутый в ходе Клинско-Солнечногорской операции, не удались. Бои в этом районе приняли затяжной характер. Противник сумел создать на этом участке систему укреплений, вырыть окопы полного профиля и, опираясь на опорные пункты, сдерживать советский натиск. О тяжелых боях за окрестные деревни, когда схватки разгорались буквально за каждый дом или подвал, говорилось в донесении на имя Г. Жукова командующего 20-й армии А. Власова. Однако в этом документе последний лишь констатировал усилившееся германское сопротивление и возросшие собственные потери, не предлагая, по сути, никаких мер к подавлению вражеской обороны. Жуков, выразив недоумение подобным донесением, предложил его переделать³⁸.

На других участках фронта, используя образовавшиеся в немецкой обороне бреши, части советских 39-й, 29-й, 10-й, 49-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса сумели продвинуться на десятки километров вперед. Прорыв кавалеристов и 10-й армии угрожал взятием в кольцо крупных сил немецких 2-й танковой армии и 2-й армии. Вскоре обозначился успех в полосе 43-й и 33-й советских армий. Причем здесь советским соединениям приходилось порой просто вгрызаться в немецкую оборону, так как враг успел создать на подступах к Наро-Фоминску и Боровску разветвленную систему укреплений. Тем не менее 26 декабря 33-я армия генерала М. Г. Ефремова освободила Наро-Фоминск, а 4 января — Боровск, в то время как 43-я армия заняла Балабаново, а 2 января выбила противника из Малоярославца. Южнее этого участка быстрыми темпами наступала на Калугу подвижная группа 50-й армии. Окончательно город был освобожден 30 декабря.

Ожесточенное сопротивление немцев вынуждало советское командование корректировать свои замыслы, отказываться от слишком самонадеянных планов захвата того или иного пункта к определенному сроку. Показательным в этой связи выглядит эпизод с освобождением Балабаново. Жуков в телеграмме генералу Голикову (43-я армия) от 20 декабря с литерой «только лично», попросил последнего захватить станцию уже к 21 декабря, «ко дню рождения Сталина». Голиков ответил, что готов принять все меры для «выполнения указания Военного

совета фронта»³⁹. Но Балабаново немцы оставили лишь через неделю — 28 декабря.

Именно в это время британский министр иностранных дел А. Иден, прибывший в Москву на переговоры со Сталиным, совершил ознакомительный визит на один из участков советско-германского фронта. Советские офицеры показали ему огромные колонны брошенных немцами автомашин, бронетранспортеров и танков. Англичанин был удивлен и поражен масштабами германского разгрома. Никогда раньше немцы не терпели столь очевидного и сокрушительного поражения. Безусловно, личные впечатления Идена от всего увиденного под Москвой оказали большое влияние на выработку правительством Великобритании своей дальнейшей политики военной помощи Советскому Союзу.

О моральном эффекте вида брошенной вражеской техники и его влиянии на граждан страны говорилось в телеграмме члена Ставки ВГК Булганина от 16 декабря 1941 г. Находясь на недавно освобожденной территории в районе Яхромы, он писал Сталину и Жукову: «Количество разбитых средних и больших немецких танков, бронемашин и автовездеходов на дорогах, лесных просеках и в лесах... превосходит все наши представления. Местность производит впечатление настоящего разгрома бронетанковых частей фашистов. Проезжая, попутно видел лично не менее 60 разбитых танков и еще большее количество большегрузных автовездеходов... Считаю очень полезным обязать наши киноорганизации заснять картину этого разгрома фашистов»⁴⁰.

Советские киноорганизации действительно снимали кадры поражения ГА «Центр», и вскоре на экранах кинотеатров страны (23 февраля 1942 г.) появился документальный фильм Л. Варламова и И. Копалина «Разгром немецких войск под Москвой». Фильм имел огромную популярность не только в СССР, но и в союзных государствах. Так, в США он был переозвучен, адаптирован для американского зрителя и под названием «Moscow Strikes Back» («Москва наносит ответный удар») получил премию «Оскар».

Высшее военное руководство Германии, понимая неизбежность дальнейших жертв, неуклонно требовало удержания позиций. 24 декабря 1941 г. Гитлер отдал приказ, запрещающий дальнейший отход 2-й танковой армии, и распорядился, чтобы о нем поставили в известность Гудериана. Он настаивал на «чрезвычайном напряжении всех сил», но не указывал, на какие

подкрепления можно рассчитывать⁴¹. Гудериан не имел права послушаться Гитлера, но и выполнить приказ был не в состоянии. Поздним вечером 24 декабря генерал разрешил отвести назад 47-й моторизованный корпус и оставить населенный пункт Чернь, а 25 декабря попросил об отставке, которая и была немедленно удовлетворена. Его обязанности стал исполнять генерал танковых войск Шмидт⁴².

23 декабря соединения 4-й армии генерала Кюблера, назначенного на этот пост вместо фон Клюге, дрогнули под натиском советской 49-й армии, наступавшей на Малоярославец, а также 33-й и 43-й армий на наро-фоминском и боровском направлениях. Однако здесь фюрер все же позволил «отвести на запад правый фланг и центр 4-й армии «для устранения угрозы тылу»⁴³.

20 декабря 1941 г. Ставка ВГК отдала приказ войскам Калининского фронта о переходе в наступление 39-й (командующий генерал-лейтенант И. И. Масленников) и соседних с ней армий. Начало наступления намечалось на 22 декабря⁴⁴. 30-я и 31-я армии Калининского фронта нанесли удар на Старицу с востока, а 22-я и 29-я армии — с севера. Целью советского командования было выйти в тыл германским соединениям, оборонявшимся против Калининского фронта, и разгромить 9-ю армию и 3-ю танковую группу. Войска генерала И. С. Конева, занимавшие выгодное (охватывающее) положение по отношению к ГА «Центр», теперь могли использовать это обстоятельство при наступлении. Участок обороны 9-й немецкой армии стал в конце декабря 1941 г. — в начале января 1942 г. одним из самых напряженных.

29 декабря 1941 г. штаб ГА «Центр» доносил, что «на фронте 9 А противник продолжал ожесточенные атаки против всех корпусов армии, атакуя в отдельных местах до 12 раз подряд. Северо-западнее Старица советские войска, ведя наступление силами не менее 4-х дивизий, осуществили главный прорыв...»⁴⁵. Командующий ГА «Центр» фон Кюге пока ничего не мог противопоставить успешным действиям советских войск. Группа армий получила в декабре пополнения в составе маршевых рот и батальонов всего 40,8 тыс. чел., тогда как ее потери составили 103,6 тыс. чел⁴⁶. У германского командования все острее созревало понимание, что одного приказа «держаться» недостаточно для укрепления стойкости войск. Необходимо было сокращать линию фронта, что возможно было осуществить только путем отхода.

Жуков и Конев продолжали операции с целью достижения новых прорывов, расчленения и окружения вражеских частей. Советский удар на Калугу образовал брешь между 2-й танковой и 4-й полевой армиями ГА «Центр». После того как 31 декабря войска южного крыла Западного фронта начали наступление на Сухиничи, брешь между внутренними флангами 2 ГА и 4А расширилась. Сухиничи были атакованы с востока и с юга, тем временем 1-й гвардейский кавалерийский корпус продвинулся в направлении Юхнова⁴⁷. Немецкий историк К. Рейнгард отмечал, что войскам 2-й полевой и 2-й танковой армий тогда просто повезло, что советское командование осуществило прорыв в северо-западном направлении на Калугу, а не на Орел. Последний в то время был совершенно не подготовлен к обороне и его взятие частями Красной армией означало бы безусловный разгром немецких армий⁴⁸.

Это мнение германского историка весьма спорно. Остается вопросом, смогли бы советские войска прорваться в то время к Орлу. Ко всему прочему, войскам 10-й и 50-й армий предстояло тогда наступать в сторону от направления основных ударов Западного фронта, то есть по расходящимся направлениям, что угрожало их флангам. Вновь образованный 18 декабря 1941 г. Брянский фронт достаточных сил для взятия Орла не имел. Однако очевидно другое — немецкое командование сильно опасалось такого развития событий. Кризисное положение на этом участке могло стать причиной для более глубокого отступления германских соединений. 28 декабря 1941 г. командование 2-й армии в доносении в штаб группы армий подчеркивало, что «от того, будет ли удержан рубеж Курск — Орел, полностью зависит ее судьба...»⁴⁹.

Сообщалось также, что в результате морозов ниже 25 градусов из строя вышло значительное количество транспортных средств. «Условия погоды, — отмечалось далее, — бьют также и по русским, но, однако, по ним они бьют не так сильно, как по нам, так как русские более подвижны в зимних условиях...»⁵⁰. Командование 2-й армии констатировало, что «немцы не имеют хорошего зимнего обмундирования, а русские солдаты, у которых условия расквартирования значительно хуже, лучше переносят холод...»⁵¹.

1 января 1942 г. 2-я немецкая армия получила директиву, в которой указывалось, что «все командные инстанции должны уяснить себе, что дальнейший отход сильно ухудшит положение и состояние войск. Поэтому такой приказ будет

отдаваться армией только в случае крайней необходимости...»⁵². Относительно подвижности советских войск на тот период и их большей приспособленности к зимним условиям немцы были абсолютно правы. В частности, в Красной армии в широких масштабах началось формирование специальных лыжных батальонов, приданных различным фронтовым соединениям. Их подготовленные бойцы могли совершать многокилометровые марши, обходя заслоны противника и атакая на него с тылу. Вновь прибывавшие на передовую части и соединения, как правило, заблаговременно получали необходимую теплую амуницию — валенки, душегрейки, тулупы, теплые варежки и т. п. Случаи задержки подвоза были, но в сравнении с положением солдат вермахта, имевших зачастую лишь легкие шинели, ситуация в целом была неплохой. Не готовые к зиме гитлеровцы в основном утеплялись за счет реквизиций (а по сути, грабежа) местного населения.

В ходе последующих боевых действий 2-я немецкая армия смогла постепенно оправиться от потрясений. Не испытывая в дальнейшем сильного нажима советских частей, она смогла совершить перегруппировку и оборудовать оборонительные позиции восточнее линии Орел — Курск. Центр боевой активности сторон к юго-западу от Москвы сместился в район Сухиничей. Советское командование не сумело использовать первоначальный успех 10-й армии и 1-го гвардейского кавкорпуса на стыке немецких 4-й полевой и 2-й танковой армиями. На то были объективные причины: части Красной армии, продвинулись на большое расстояние и начали испытывать недостаток в боеприпасах, продовольствии и пополнении. Количество снарядов, приходившихся на орудие, в день часто не превышало одного-двух выстрелов. И это в период наступления!

В свою очередь, немецкая 2-я танковая армия, используя силы 208-й и 211-й пехотных дивизий, переброшенных с Запада, повела атаки с целью разблокирования немецких войск, оставшихся в Сухиничах. В соответствии с замыслом Ставки ВГК, главные усилия на южном фланге Западного фронта должны были быть сосредоточены в полосе 43-й, 49-й и 50-й армий. Им предстояло наступать через Юхнов на Вязьму, в северо-западном направлении — на соединение с войсками Калининского фронта.

В начале 1942 г. Красная армия продолжала наносить удары по противнику. 7 января

контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление на всем советско-германском фронте. На совещании высшего руководства и командного состава РККА в Кремле 5 января по поводу дальнейших планов ведения войны в 1942 г. были высказаны различные точки зрения. Сталин настаивал на ударах по врагу сразу на нескольких направлениях. Главным оставалось Западное направление: сходящиеся удары Западного и Калининского фронтов на Вязьму и глубокий охват группировки противника силами левого крыла Северо-Западного фронта. Но намечались и активные действия на северном и южном флангах советско-германского фронта. Сталин считал, что противник сломлен, немцам не следует давать передышки ни на одном участке. «Гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 г.», — считал Верховный Главнокомандующий⁵³.

Г. К. Жуков был против решения Ставки о переходе к активным боевым действиям не только под Москвой, но и на флангах советско-германского фронта. Он предлагал Сталину вначале завершить наступление против группы армий «Центр», а на остальных участках занять пока прочную оборону. Но Жуков оказался в меньшинстве. Ему пришлось смириться с выводом из состава своего Западного фронта 1-й ударной армии, которая была перебросена в район Демянска. Соответственно его войска оказались ослаблены. Мощь их ударов постепенно теряла силу. Дело осложнялось и тем, что советское командование, переоценив результаты своих успехов, решило с ходу провести гигантскую операцию по окружению и разгрому всей группы армий «Центр».

Выполняя директивы Ставки ВГК, Калининский, левое крыло Западного и правое крыло Брянского фронтов развернули наступление на ржевском, юхновском, сухиническом направлениях, стремясь замкнуть кольцо по линии Ржев — Вязьма. Операция получила название Ржевско-Вяземской. Для содействия продвижению ударных советских соединений в тыл врага в район Вязьмы и Дорогобужа выбрасывались крупные десантные части из состава 4-го воздушно-десантного корпуса. Первоначально успех сопутствовал ударной группировке Калининского фронта, которая прорвала оборону

противника в районе Ржева и, расчленив 6-й армейский корпус немцев на две части, отбросила одну на восток — к Ржеву, а другую — к станции Оленино. К исходу 10 января главные ее силы достигли рубежа в 35 км юго-западнее Ржева. Ставка потребовала от Конева «в течение 11-го и ни в коем случае не позже 12 января овладеть г. Ржев»⁵⁴. Ставка ВГК и Генштаб требовали от советских войск в начале января более энергичного натиска на врага. Для этого предписывалось отказаться от шаблонных методов наступления. Среди таких документов выделяется директива, подписанная Сталиным и Василевским, которая к 10 января поступила командованию, фронтов, армий и была доведена до дивизионных командиров. В ней, в частности, говорилось: «...наступление может дать эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил... Для этого необходимо, чтобы каждой армии, ставя себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде 3–4-х дивизий, сосредоточенная для прорыва на отдельном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии. То же самое можно сказать о задачах командования фронта при организации прорыва и наступления... Понятно, что ударная группа фронта является более мощной...». Предлагалось также шире применять артиллерийское наступление, то есть непосредственную и постоянную поддержку наступающих артиллерийским огнем, подавляющем огневые точки врага⁵⁵. В соответствующем распоряжении штаба 22-й армии Калининского фронта от 10 января было сформулировано категорическое требование: «...прекратить практику наступления цепочкой, во всех случаях создавать ударные группы. Боевые порядки ударных групп строить эшелонами... Наступление продолжать безостановочно, до выхода за оборонительную полосу...»⁵⁶.

В начале января 1942 г. фактически рухнул немецкий фронт в районе Медыни. Севернее города образовалась брешь, через которую устремились вперед крупные советские силы. Угроза захвата Юхнова и быстрого продвижения частей Красной армии к Вязьме стала реальностью. Выход соединений Западного фронта в тыл 4-й полевой и 4-й танковой армий раскалывал войска ГА «Центр» на две части. Для Ставки ВГК вырисовывалась перспектива полного окружения и уничтожения по частям германской группировки к западу от Москвы. Бои за Медынь начались 8 января. Наступление 1-го гвардей-

ского кавкорпуса генерал-майора Белова через Мосальск в направлении Варшавского шоссе создавало угрозу ликвидации путей снабжения расположенных здесь немецких частей. Генерал-полковник Гепнер (командующий 4-й танковой армией) отдал 8 января 1942 г. приказ об отводе 20-го армейского корпуса. Но уже вечером того же дня он был поставлен в известность, что отстранен от командования. На его место назначился генерал пехоты Р. Руофф (командующий 5-м армейским корпусом).

Продвижение советских войск на запад по своему замыслу и исполнению выглядело весьма смелым и даже дерзким. Части 50-й, 49-й и 43-й советских армий наступали на Юхнов с трех направлений. 43-я армия атаковала также и Медынь. Чуть севернее в районе Вереи активно действовали соединения 33-й армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. Выход этой армии на оперативный простор создавал угрозу основным коммуникациям ГА «Центр» и непосредственно городу Вязьме — важнейшему транспортному узлу в тылу немецких войск.

К середине января 1942 г. фронт ГА «Центр» был прорван в нескольких местах: на севере — под Ржевом, в центре — севернее Медыни, на юге — в районе Сухиничей. Понимая, что дальнейшая борьба на существующих рубежах неминуемо ведет к потере управления войсками и их гибели, фельдмаршал Клюге 14 января 1942 г. отправил секретное донесение начальнику генерального штаба ОКХ. Он предложил немедленный и планомерный отход на линию озеро Жеданье — Ржев — Погорелое Городище, а также восточнее Гжатск — Юхнов — южнее и западнее Сухиничи. Это объяснялось необходимостью закрыть брешь в районе Медыни и улучшить снабжение войск. По выражению Клюге, отвод войск являлся «единственно возможной мерой, способной спасти положение»⁵⁷.

Вопрос крушения фронта ГА «Центр» становился вопросом времени. Этот факт начинал осознавать и сам Гитлер. Видимо, он почувствовал, что возможности жесткой обороны исчерпаны. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию и рассчитывая на быстрое завершение строительства тыловых позиций, фюрер принял решение отступить. 15 января 1942 г., в 21 час. 00 мин. в штаб ГА «Центр» ушла директива об отводе войск на новый оборонительный рубеж. Предусматривался отход сил 4-й армии, 4-й и 3-й танковых армий на линию севернее Ржев — восточнее Зубцов — восточнее Гжатск

и восточнее Юхнов. Гитлер приказал как можно скорее закрыть бреши в районе Ржева и Медыни и освободить окруженные в районе Сухиничи немецкие силы. При отступлении войска ГА «Центр» должны были руководствоваться следующими принципами: «отступать маленькими шагами. Подготовить снабжение... Неизбежные материальные потери свести до минимума... Все населенные пункты сжигать, печи взрывать...»⁵⁸.

Отход ГА «Центр», несмотря на все издержки и потерю части вооружения, давал немцам очевидные преимущества:

- сокращалась общая протяженность линии фронта (примерно на 100 км);
- появлялась свобода маневра и возможность создать группы для проведения контрударов;
- немецкие части могли теперь в большей мере опираться на сильно укрепленные населенные пункты, часть из которых являлась узлами транспортных сообщений (Ржев, Сычевка, Вязьма, Юхнов и др.). В условиях зимнего времени это было особенно важно, так как ГА «Центр» получала лучшие, чем у противника, возможности для отдыха личного состава в натопленных помещениях и быстрой перегруппировки своих соединений;
- германские части сумели в основном избавиться от губительной паники и значительно обескровить своими действиями некоторые советские соединения, сбить их наступательный порыв;
- наконец, в тылу группы Клюге были построены (хотя еще и не до конца) серьезные оборонительные позиции, на которые отходились теперь немецкие войска.

В то же время отход сразу 11 немецких корпусов не мог не вызвать у Сталина чувства удовлетворения. Враг отступает! Верховный принимает решение еще более усилить натиск на вражеские позиции⁵⁹. До конца января вели активные наступательные действия войска правого крыла и центра Западного фронта. 20 января они освободили Можайск, а 22 января — ст. Уваровку. Однако уже 25 января они столкнулись с мощным противодействием германских сил, занявших зимние позиции. Советские потери резко возросли, тогда как выбить немцев из их укрепленных пунктов было невероятно трудно. Серьезного успеха, правда, добилась 33-я армия генерала М. Г. Ефремова, пробив брешь в еще слабой вражеской обороне севернее Юхнова и устремившаяся в нее в направлении на Вязьму.

К концу января ефремовцы были уже в 7–8 км от окраин города, что с большой тревогой было воспринято в штабе ГА «Центр».

Однако одна из реалий зимы 1942 г. — выход ряда соединений советских Западного и Калининского фронтов в тыл немецкой обороны — теперь могла обернуться против них. Частям Красной армии в районе Ржева и Медыни так и не удалось решающим образом переломить ситуацию в свою пользу, окружить и уничтожить соединения ГА «Центр». 29-я, 39-я армии Калининского, 33-я армия Западного фронтов пробили лишь узкие бреши в немецкой обороне. Очевидной стала измотанность советских наступающих соединений. Им не хватало снабжения, пополнения личным составом. Быстрое продвижение вперед вынуждало оставлять оголенные фланги. Командование ГА «Центр», напротив, получило реальный шанс воспользоваться нараставшими трудностями Красной армии. Постепенно высвобождавшиеся после отхода немецкие резервы готовились теперь к ликвидации глубоких советских прорывов.

В середине января 1942 г. Калининский фронт силами 29-й и 39-й армий, других соединений продолжал вести наступление в общем направлении на Вязьму. 9-я армия Моделя, неся большие потери, отступала. Бои принимали все более ожесточенный характер. Брешь между 6-м и 23-м армейскими корпусами северо-западнее Ржева пока оставалась открытой. Немецкий 6-й армейский корпус, на войска которого была возложена задача «любой ценой удержать «краеугольный камень обороны г. Ржев», по данным на 10 января 1942 г., насчитывал в своем составе всего до 10 тыс. человек боеспособных военнослужащих. Из предназначавшегося для корпуса пополнения около 5 тыс. человек в результате заболеваний и обморожений к фронту прибыло всего 20%. После 10 января 1942 г. в течение целой недели корпусу пополнение вовсе не выделялось, хотя его потери в первой половине января от боевых действий и морозов достигали в иной день 500 человек⁶⁰.

Тем не менее германское командование имело намерение во что бы то ни стало закрыть брешь под Ржевом. 22 января 1942 г. соединения 9-й армии при активной поддержке 8-го авиакорпуса нанесли контрудар западнее Ржева по войскам Калининского фронта. Растянутость советских позиций, незащищенность коммуникаций, по которым шло снабжение частей Красной армии, усталость бойцов РККА сдела-

ли невозможным оказание эффективного противодействия внезапной атаке немецких сил. 23 января связь между 6-м и 23-м немецкими корпусами была восстановлена. Тем самым были перерезаны линии снабжения советских частей, продвинувшихся ранее в южном направлении на Вязьму, и одновременно закрыты пути отхода на север для 29-й и 39-й советских армий.

Нестабильным оставалось положение в районе г. Белый (ныне — Тверская область). Соединения советских 22-й и 4-й ударной армий несколько раз пытались захватить город и даже в один момент ворвались на его окраины. Но уже вскоре они были выбиты из города частями 246-й пехотной дивизии вермахта. Немцы превратили Белый в свою крепость; нечто подобное они сделали со Ржевом, Сухиничами, а позднее — и с другими городами. По мнению фюрера, удержание таких ключевых пунктов должно было не только повлиять на общую ситуацию на фронте, но и повысить боевой дух германской армии, стать примером стойкости солдат вермахта. Юго-западнее Белого продолжалось наступление сил Красной армии на Демидов и Витебск, юго-восточнее города — на Вязьму.

Но, оседлав автотрассу, проходящую через Белый, командующий ГА «Центр» мог надеяться на ликвидацию угрозы оленинской группировке 9-й армии⁶¹. Сохранение немецкого выступа в этом районе, разрезающего советский фронт и уходящего далеко в тыл наступающих армий генерала Конева, позволяло фон Клюге надеяться на замедление темпов советского продвижения на вяземском и смоленском направлениях. Кстати, нечто подобное два месяца назад немцы испытали на собственном участке наступления в районе Тулы.

Однако натиск 39-й армии и 11-го кавкорпуса фронта генерала Конева в южном направлении пока не ослабевал. Части 11-го кавкорпуса полковника С. Соколова в конце января приблизились к Смоленскому шоссе западнее Вязьмы, но взять город не смогли. 29-я советская армия вела ожесточенные схватки с 6-м, 23-м и 46-м корпусами вермахта. В то же время 4-я ударная армия продолжила наступательные действия южнее Жарковский. Борьба с отрезанными соединениями РККА приняла затяжной характер. Прорвавшиеся советские части оказались примерно в таком же положении, в каком были до недавнего времени немецкие соединения 9-й армии. К 5 февраля 1942 г., как отмечалось в донесении штаба соединения Моделя, противник

[29-я советская армия] был «сдавлен в районе Манчалово». Предполагалась его скорая и окончательная ликвидация⁶².

Если на северном фланге ГА «Центр» кризис был в основном преодолен, то в полосе 4-й армии и 4-й танковой армии немецкий фронт едва держался. Ситуация вышла из-под контроля, когда в середине января 1942 г. обозначился уже упомянутый успех 33-й советской армии. Ставка ВГК и сам командующий армией генерал Ефремов рассчитывали на быстрый захват Вязьмы. Оперативная обстановка позволяла надеяться на выход крупных сил Красной армии в тыл ГА «Центр» и соединение частей Западного фронта (конкретно — ударной группы 33-й армии во главе с командующим армией и группы Белова) с частями Калининского фронта, продвигавшимися к Вязьме с севера. Чтобы облегчить прорыв соединений Ефремова и Белова, с 18 по 21 января 1942 г. в районе населенных пунктов Знаменка и Желанье были десантированы части 250-го воздушно-десантного полка и 201-й воздушно-десантной бригады, которые должны были сковать немецкую оборону с тыла, а затем соединиться с главными наступающими силами Красной армии. Генерал Ефремов, опытный военачальник, твердо руководил своими войсками. Он создал именно то, что хотели видеть на фронте и Сталин, и Жуков, — ударную группу, способную пронзить вражескую оборону, обойти вражеские укрепленные пункты и быстро продвинуться вперед. Но насколько ему это удалось?

Удачно войдя в прорыв, советские войска вышли в тыл немецкой обороны, в результате чего между 4-й полевой и 4-й танковой армией образовалась широкая брешь севернее Юхнова. Фюрер был разгневан. По его мнению, командующий 4-й армией А. Кюблер не справился со своими обязанностями и не оправдал возложенных на него надежд. 21 января он был заменен командиром 43-го армейского корпуса генералом пехоты Г. Хейнрици. 27 января 1942 г. командующий ГА «Центр» приказал: «4 А атаковать 29.01.42 всеми имеющимися в распоряжении силами сильный восточный фланг в направлении Желанье, Мелентьево... 20 тд [4 ТА] — установить связь с частями 4 А вдоль шоссе Егорье — Кулеши — Юхнов...». 4-й армии предписывалось также осуществить отход и, «повернув на восток, занять окончательные позиции в прежней брешу между обеими армиями...»⁶³. Частям 5-й танковой дивизии ставилась задача восстановить положение юго-восточнее

Вязьмы, где действовали в то время передовые подразделения ударной группы 33-й армии, группы Белова, а также десантники. Удержание Вязьмы стало для немцев фактором стратегического значения.

Ударная группа 33-й армии — 113-я, 338-я, 160-я и 329-я стрелковые дивизии (329-я дивизия была передана из состава 5-й армии только 31 января 1942 г.) — продвигалась к Вязьме практически все время в походных колоннах, пока без сильного противодействия со стороны немцев. Большое беспокойство у командования ГА «Центр» вызывали и действия группы Белова, которая 25–30 января прорвалась через Варшавское шоссе в район Федотково. Там она установила связь с одним из воздушно-десантных отрядов. Белов также стремился к Вязьме, но продвигался к ней южнее 33-й армии. Немцам удалось 1 февраля захватить в плен несколько бойцов из 1-го гвардейского кавкорпуса (этот корпус, собственно, и составлял основу группы Белова) и выяснить, что крупные силы советской кавалерии уже «перешли через Варшавское шоссе в северном направлении»⁶⁴.

2 февраля группа Белова была уже в 12 км южнее Вязьмы, у д. Стогово. Однако в тот же день немецкие соединения 40-го и 13-го корпусов 4-й армии перерезали узкий коридор у Варшавского шоссе. Советские части не успели перевести через дорогу большую часть артиллерии и зенитных средств. Несмотря на это, Белов получил приказ продолжать рейд, не ввязываясь в затяжные бои. С этого времени группа начала действовать в полном отрыве от главных сил фронта⁶⁵.

Закрывать брешь в районе прорыва 33-й армии немцам было сложнее. Отдел по изучению иностранных армий Восточного фронта ОКХ оценивал обстановку на 2 февраля следующим образом: «...Силами [советских] 43 А и 33 А нанесен удар в брешь, образованную между [немецкими] 4 А и 4 ТА. Цель удара — подтянуть значительные силы в тыл танковой армии [4 ТА]. Общее направление удара — Вязьма... Противник сосредоточил в прорыве перед 4 А около восьми стрелковых дивизий, две–три стрелковые бригады и одну танковую бригаду...»⁶⁶. Фактически же в упомянутый прорыв были введены только четыре стрелковые дивизии под общим командованием генерала Ефремова; кавалеристы Белова и десантники действовали на другом участке, не входя пока во взаимодействие с ударной группой 33-й армии. Советские части

находились уже на окраинах Вязьмы. Ставка и фронтовое командование надеялось на раскол немецкого фронта и возможное окружение значительных сил ГА «Центр».

Но в ночь на 3 февраля 1942 г. немецкие войска нанесли решительные удары по флангам 33-й армии и перерезали слабо защищенный коридор, через который группа Ефремова вошла в прорыв на Вязьму. Тем самым было положено начало резкому изменению оперативной обстановки на этом участке фронта. В результате ночного боя, временами переходящего в рукопашную, немцы захватили Воскресенск (юго-западнее железнодорожной станции Угрюмово). Бой продолжался всю ночь, утро и последующий день. Лишь вечером 3 февраля брешь за ударной группой 33-й армии была полностью закрыта⁶⁷. В окружении юго-восточнее Вязьмы оказались четыре дивизии 33-й армии во главе со своим командующим генерал-лейтенантом Ефремовым. Общая численность отрезанной группировки (с учетом проведенной мобилизации новобранцев) доходила в феврале–апреле 1942 г. до 10 тыс. человек.

Был ли виноват сам генерал Ефремов в том положении, в котором оказались его войска? До сих пор этот вопрос остается спорным в историографии Московской битвы. Исходя из документов советской стороны, можно сказать, что виноваты были все: и командование 33-й армии, и штаб Западного фронта, и Ставка ВГК, не сумевшие вовремя разгадать грозящую советским войскам опасность. Однако мы не должны забывать и о мероприятиях германского командования, поставившего тогда своей целью во что бы то ни стало отрезать и уничтожить прорвавшиеся в немецкий тыл советские соединения. Приказ на отход пришел как раз вовремя, чтобы предотвратить катастрофу ГА «Центр». Отвод войск на зимние оборонительные позиции не только укрепил оборону немцев, но и позволил им высвободить достаточные силы для нанесения контрударов.

С другой стороны, советское командование слишком поздно осознало, что прошел тот период, когда можно было дерзко (без оглядки на фланговые угрозы) продвигаться вперед. Об этом с некоторым запозданием (и, очевидно, оправдывая и собственный просчет. — М. М.) писал в своей директиве командующий Западным фронтом 13 февраля 1942 г.: «Ниже сего объявляется для руководства и неукоснительного исполнения директива командующего Западным фронтом. В последнее время противник,

используя прямолинейность в действиях наших боевых порядков, отсутствие охранения и разведки на флангах, применяет приемы отрезания головных боевых порядков, вклинившихся в его расположение. Такое положение получилось в 50-й армии Болдина и 33-й армии Ефремова. Мои указания об использовании вторых и последующих эшелонов и боевых порядков для разворота и расширения в сторону флангов командир Болдин и Ефремов не выполнили, чем поставили головные части армий в затруднительное положение. Приказываю:

Одновременно со смелыми и решительными действиями по вклинению головных эшелонов боевых порядков в расположение противника, вторым и последующим эшелонам быстро расширять прорыв в сторону фланга и уничтожать блокированного в населенных пунктах противника. Особой заботой командиров всех степеней иметь прочное обеспечение охранением и непрерывной разведкой на флангах наступающих соединений, частей и подразделений. Настоящий приказ немедленно довести до исполнения, вплоть до командиров батальонов включительно»⁶⁸.

Никто не будет оспаривать правильность выдвинутых в директиве Жукова тезисов о необходимости учитывать фланговую угрозу. Но в тех обстоятельствах действовать по всем правилам военной науки Ефремов просто не мог. У него не было сил, чтобы «расширяться в сторону флангов», у Жукова тоже не было резервов, чтобы помочь ему в этом деле. В целом не хватало еще и опыта для проведения таких смелых операций с безупречным качеством. Этому надо было учиться, к сожалению, оплачивая учебу большой кровью.

Отметим, что боевые действия соединений генерала Ефремова в окружении продолжались еще два с половиной месяца, до 18–19 апреля 1942 г. В феврале–апреле 1942 г. войска Западного фронта предприняли яростные попытки прорваться к окруженной группе генерала Ефремова. Жестокие бои развернулись на узком участке фронта, в районе впадения р. Воря в р. Угра. Здесь в марте 1942 г. образовался плацдарм на западном берегу р. Угра, между деревнями Красная Горка и Большое Устье, с которого части 43-й армии генерал-майора К. Д. Голубева долго, но в основном безуспешно атаковали укрепленные позиции немцев. Потери 43-й армии были значительными: до 5000 человек убитыми. Но эти жертвы оказались напрасными. В апреле 1942 г. генерал Ефремов, видя истощение сво-

их сил, обратился напрямую (через голову командования Западного фронта) в Ставку ВГК с просьбой разрешить ему выходить на восток по кратчайшему пути — через р. Угру⁶⁹.

Однако большинству ефремовцев пробиться на «большую землю» так и не удалось. Германские подвижные части смогли перехватить колонну советских войск на дороге Буслава — Беляево, а затем добить остатки группы Ефремова в районе деревень Жары, Новая Михайловка и Климов Завод. Из окружения вырвались лишь разрозненные подразделения численностью всего в несколько сотен человек. Примерно 600 бойцов ушли к партизанам отряда В. В. Жабо. Сам М. Г. Ефремов, геройски руководивший своими солдатами, во время боя был ранен. Не имея сил и далее продвигаться к линии фронта, он застрелился в районе деревни Климов Завод 18 апреля 1942 года⁷⁰.

Немецкие оценки сражений западнее Москвы в конце зимы — начале весны 1942 г. отражали реальную ситуацию на фронте противоборствующих сторон. Так, начальник штаба 4-й танковой армии генерал О. Реггигер отмечал в своем донесении в штаб ГА «Центр»: «Можно сказать, что противник имел смелый план операции, который и был отважно осуществлен. Однако русское командование переоценило боевую способность своих солдат и недооценило боевую способность наших. Наш фронт восстановлен. Ожидается, что противник возобновит наступательные действия с целью найти слабые участки в нашей линии фронта с тем, чтобы осуществить на этих участках прорыв...»⁷¹.

Период затухания Ржевско-Вяземской операции лишь недавно стал предметом пристального рассмотрения отечественных историков. Итоги кровопролитных для обеих сторон боев под Ржевом, Сычевкой и Юхновом весной 1942 г. не только подвели черту под Московской битвой. Они во многом предопределили последующий характер боевых действий на Западном направлении вплоть до весны 1943 г.

Однако И. В. Сталин считал, что последнее слово в сражениях за столицу еще не сказано. 16 февраля он отдал приказ «разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую группировку и к 5 марта выйти и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже» (на том рубеже, который существовал на 1 октября 1941 г. — М. М.). К тому же сроку намечалось разгромить и «болховско-жиздринско-брянскую» группировку врага. Как и следовало ожидать, добиться

успеха, несмотря на многочисленные кровопролитные атаки, не удалось. 20 марта Сталин, считая, что не мытьем, так катаньем позиции врага все же могут быть «продавлены», отдал новое распоряжение о разгроме ржевско-вяземской группировки ГА «Центр» и выходе к 20 апреля на старые оборонительные рубежи. Результат, по сути, был тем же⁷². Нереальные задачи остались невыполненными. Наши войска топтались на месте, сумев в начале марта освободить лишь Юхнов.

С начала контрнаступления под Москвой объединения Калининского и Северо-Западного фронтов продвинулись вперед на 250–300 км. Анализ положения на этом направлении в начале весны 1942 г. показывает очевидную обособленность ряда решений советского военного руководства, которые подвергались критике уже в послевоенные годы. Не ставя под сомнение тот факт, что задуманные Сталиным широкие наступательные операции на весну–лето 1942 г. не могли привести к желаемому результату, отметим, что сложившуюся тогда ситуацию западнее Москвы невозможно рассматривать отдельно от положения на других участках фронта. Одним из примеров этого служит осуждаемый сегодня приказ Ставки ВГК от 19 февраля 1942 г. о выводе 1-й ударной армии из состава Западного фронта в резерв.

Говоря об ослаблении в связи с этим ударной силы своего фронта, маршал Г. К. Жуков писал в своих мемуарах, что он активно выступал против этого решения⁷³. Но дело в том, что в конце января 1-я ударная армия была передана именно Северо-Западному фронту с целью разгрома демянской группировки противника. Бои в демянских болотах, даже после образования внутреннего кольца окружения шести немецких дивизий (96 тыс. чел.), продолжались с неослабевающей силой. 1-я ударная армия сыграла важную роль в образовании внешнего кольца окружения⁷⁴. Да, полностью завершить разгром немецкой группировки тогда не удалось. Однако и германская 16-я армия не могла теперь участвовать в наступлении навстречу 9-й армии. Коммуникации 3-й и 4-й советских ударных армий остались в безопасности. В этом, безусловно, есть заслуга переброшенной из состава Западного фронта 1-й ударной армии.

Позднее штаб ГА «Центр» пришел к заключению, что сил одной 9-й армии недостаточно, чтобы провести операцию на Осташков и отрезать советские ударные силы, хотя некоторое

время такая возможность им еще рассматривалась. Кажется маловероятным, чтобы Ставка ВГК получила в то время точную разведывательную информацию о германских планах по окружению 3-й и 4-й ударных армий. Однако, с другой стороны, советское командование не могло не видеть такой потенциальной опасности об этом говорила сама конфигурация линии фронта. Отметим, что охват демянской группировки противника означал не только крупный успех Красной армии, но и устранение этой угрозы.

20 апреля 1942 г. считается датой окончания Ржевско-Вяземской операции Красной армии и всей Московской битвы. Удачно начавшееся контрнаступление, переросшее затем в общее наступление советских войск под Москвой, достигнув больших результатов, завершилось тяжелыми кровопролитными боями с окрепшим и получившим подкрепления врагом, в условиях сильной распутицы, сковавшей передвижение войск. Но в результате того, что Москва и большая часть Центрального региона европейской России оставались в советских руках, германскому командованию в 1942 г. (уже в период Сталинградской битвы) не удалось обеспечить надежного прикрытия левого фланга своей группы армий «Б», который все более растягивался по мере продвижения армии Паулюса к Волге. Руководство вермахта было вынуждено обеспечивать охранение своих флангов ненадежными румынскими и итальянскими соединениями. Чем все это закончилось хорошо известно — союзники Германии не смогли сдержать натиска перешедших в наступление 19 ноября 1942 г. советских частей.

Не может быть сомнения, что победа Красной армии в Сталинградской битве теснейшим образом связана с разгромом вермахта под Москвой. Вместе с тем очевидно и другое — ГА «Центр», обороняясь, сумела нанести значительный урон Красной Армии. Только безвозвратные потери советских частей в ходе Ржевско-Вяземской операции (8 января — 20 апреля 1942 г.) составили более 272 тыс. чел.⁷⁵ В этой связи возникает вопрос: соответствовала ли цена, которую заплатила Красная Армия за продвижение на запад в ходе общего наступления под Москвой тому результату, который был достигнут ее войсками к апрелю 1942 г.?

При ответе на этот вопрос нельзя не учитывать, что после Московской битвы у многих высокопоставленных руководителей рейха проявилась скептическая точка зрения на дальнейший

ход советско-германской войны. Командовавший в то время армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, учитывая создавшееся сложное положение в военной промышленности и имевший хорошее представление о наличии людских резервов Германии, должен был признать, что, продолжая эту войну, вермахт приближается к катастрофе. Министр по делам вооружений и боеприпасов доктор Фриц Тодт докладывал фюреру 29 ноября 1941 г., что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования⁷⁶. Многие крупные военачальники и офицеры вермахта также сознавали наихудшие для Германии последствия поражения под Москвой.

Интересно ретроспективное восприятие некоторыми из них событий зимы 1941/42 г. Так, генерал Ф. Гальдер впоследствии назвал их «катастрофой» и «началом трагедии на Востоке», а генерал Блюментрит — «поворотным пунктом» кампании в России. Генерал Рудольф Бамлер (бывший командир 47-го моторизованного корпуса) утверждал, что «отступление 1941–1942 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться». А адъютант Гитлера фон Белов в своих воспоминаниях события под Москвой отнес к «великому перелому в ходе Второй мировой войны»⁷⁷. Зимой 1941/42 г. Гитлер снял со своих постов опытных фельдмаршалов и генералов: Ф. Бока, В. Браухича, Г. Гудериана, Э. Гепнера, А. Штрауса и др. Они были довольно популярны в армии, и их отставка негативно сказалась как на руководстве боевыми действиями, так и на моральном состоянии военнослужащих вермахта.

Победа, достигнутая под Москвой, а следовательно, и полученное Советским Союзом дополнительное время на перестройку военной экономики и подготовку пополнения по максимуму использовались руководством Красной армии. В советском тылу (в том числе в Центральном регионе европейской России, который не был оккупирован и оставался главным поставщиком людских ресурсов для армии) готовились свежие соединения. Чем больше части вермахта летом и осенью 1942 г. вязли в сражениях в донских степях, под Сталинградом, в предгорьях Главного Кавказского хребта, под Ржевом и Ленинградом, тем меньше у них становилось шансов выиграть войну.

Анализ состояния вермахта и Красной армии после битвы под Москвой, основанный на

документах обеих сторон, позволяет сделать вывод об отсутствии перспектив у крупнейшей группировки вермахта на Восточном фронте — ГА «Центр» — развернуть в 1942 г. новое наступление стратегического масштаба. Победа под Москвой досталась Красной армии дорогой ценой. Однако является историческим фактом — немецкие войска зимой 1941/42 г. стали терять веру в свои силы, а советские солдаты и их командиры, напротив, приобрели уверенность в победе над врагом.

Битва под Москвой продолжалась в общей сложности 203 дней и ночей на огромном пространстве, равным примерно территории Франции. С обеих сторон в ней было задействовано около 7 млн человек. Общие безвозвратные потери советских войск в сражениях на ближних и дальних подступах к столице составили 926 тыс. человек. Немцам также был нанесен значительный урон — 615 тыс. человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными. Никогда до этого вермахт не терял стольких людей, уже имевших за плечами богатый опыт войны. Полноценной замены им у Германии не было. Гитлер пришел к выводу, что, после того как германские войска приведут себя в порядок, можно будет осуществить удар только на одном стратегическом направлении — южном. Для продолжения войны Германии срочно требовалась нефть Кавказа и пшеница Ставрополя и Кубани. Взять Москву — стратегическую цель всей кампании — оказалось Гитлеру не по силам.

Битва под Москвой имела огромные последствия для дальнейшего хода как Великой Отечественной, так и Второй мировой войны в целом. Решающим моментом стал тот факт, что Германии не удалось осуществить свой блицкриг. Это, в свою очередь, дало возможность СССР провести мобилизацию ресурсов для продолжения войны. Переход советских войск в наступление зимой 1941/42 г. разрушил существовавший во многих странах миф о непобедимости нацистской Германии. Правящие круги Японии, а также Турции заняли более осторожную позицию

в отношении возможного нападения на СССР. В оккупированных вермахтом европейских государствах — Франции, Югославии, Греции, Польше и других — активизировались движение Сопротивления и партизанская война. Значительно изменилось отношение Великобритании и США к тем усилиям, которые прикладывал Советский Союз, сражаясь с агрессором.

7 декабря 1941 г., спустя два дня после начала советского контрнаступления под Москвой, в войну вступили Соединенные Штаты Америки. Эта страна, обладавшая мощнейшим промышленным потенциалом и значительными людскими ресурсами, становилась теперь реальным союзником СССР. 1 января 1942 г. представители СССР, США, Великобритании, Канады и других стран подписали в Вашингтоне Декларацию 26 государств, где заявили о решимости одержать полную победу над странами «оси» — Германией, Японией и Италией. Теперь, в начале 1942 г., несмотря на развернувшиеся кровопролитные сражения в бассейне Тихого океана, важной задачей англо-американского командования стала подготовка к открытию второго фронта в Европе.

Многие современные отечественные историки по праву считают битву под Москвой началом коренного перелома в Великой Отечественной войне. Противнику был нанесен удар такой силы, который заставил его вначале отступить, а затем перейти к стратегической обороне. Крах блицкрига одновременно означал и переход вермахта к затяжной войне, к которой Германия ни политически, ни экономически, ни морально не была готова. Остается фактом, что летом 1942 г. немецкие войска сумели вновь нанести Красной армии ряд тяжелых поражений на различных участках — под Ленинградом, Харьковом, в Крыму, на подступах к Сталинграду. Но Советский Союз располагал к этому времени достаточными резервами, чтобы сдержать врага и окончательно повернуть чашу весов в свою пользу. Перелом в войне прошел через ряд стадий, первой из которых была победа под Москвой.

¹ История Великой войны. В 2 т. Т. 1. Колл. авт. / Под ред. В. А. Золотарева. М., 2010. С. 227–228.

² Жуков Г. К. Указ. Соч. Т. 2. С. 254–259.

³ Соколовский В. Д. (1897–1968). Маршал Советского Союза (1946). Начальник штаба Западного фронта (июнь 1941 — янв. 1942, май 1942 — февр. 1943). Командующий Западным фронтом (февр. 1943 — апр. 1944). В последствии нач. штаба 1-го Украинского фронта (апр. 1944 — апр. 1945), зам. командующего 1-м Белорусским фронтом. (апр. — май 1945).

⁴ Булганин Н. А. (1895–1975), гос. и парт. деятель. В 1947–1958 гг. — Маршал Советского Союза. С июля 1941 г. член Военного совета Западного фронта, Западного направления. В 1943–1944 член Военного совета

ряда фронтов. С ноября 1944 г. — зам. наркома обороны и член ГКО, с февраля введен в состав Ставки ВГК. 1934–1961 — член ЦК КПСС.

- 5 Публ. по: Г.К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. М., Мосгорархив, 1994. С. 63.
- 6 Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 175.
- 7 Москва военная. С. 432–434.
- 8 Самсонов А. Москва, 1941 год... С. 168.
- 9 Кульков Е.Н. Московская битва // Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 355.
- 10 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 120.
- 11 Там же. Л. 68.
- 12 Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Пер. с нем. М., Воениздат, 1980. С. 249.
- 13 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 72.
- 14 Там же.
- 15 Сообщения Советского Информбюро. Т. I. М., 1944. С. 407–409.
- 16 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 539. Л. 96–97.
- 17 См. Невзоров Б.И. Москва: враг не прошел / Рубежи ратной славы Отечества./ ИВИ МО. — М., 1996. С. 23.
- 18 Там же.
- 19 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 50–54.
- 20 См. Невзоров Б.И. Москва: враг не прошел / Рубежи ратной славы Отечества. С. 25.
- 21 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 380. Л. 82.
- 22 Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн 1. Суровые испытания. С. 201.
- 23 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 1. Л. 304.
- 24 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 30.
- 25 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 106–111.
- 26 См. Невзоров Б.И. Москва: враг не прошел / Рубежи ратной славы Отечества. С. 25.
- 27 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 71.
- 28 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 140.
- 29 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 136.
- 30 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 215, 220, 224–226, 228, 229.
- 31 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 55–57.
- 32 Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 180–181.
- 33 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 578. Л. 38.
- 34 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 578. Л. 22, 25.
- 35 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 334–335.
- 36 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 123.
- 37 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 110–111.
- 38 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 161–162.
- 39 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 124–124 об.
- 40 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 20. Л. 62.
- 41 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 111.
- 42 Рейнгардт К. Поворот под Москвой. С. 275.
- 43 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 112.
- 44 Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 172.
- 45 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 472.
- 46 Рейнгардт К. Поворот под Москвой. С. 279.
- 47 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 156. Л. 515, 519.
- 48 Рейнгардт К. Поворот под Москвой. С. 283.
- 49 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 75–79.
- 50 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 75–79.

- 51 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 70–71.
- 52 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 134. Л. 60–61.
- 53 История Великой войны. В 2 т. Т. 1. Колл. авт. / Под ред. В. А. Золотарева. М., 2010. С. 261.
- 54 Там же. С. 262.
- 55 ЦАМО. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 12. Л. 14–17.
- 56 ЦАМО. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.
- 57 Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 2. С. 57–58.
- 58 Там же. С. 58–59.
- 59 История Великой войны. В 2 т. Т. 1. колл. авт. / Под ред. В. А. Золотарева. М., 2010. С. 264.
- 60 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 72–73.
- 61 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 59.
- 62 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 574. Л. 54–55.
- 63 Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 2. С. 67.
- 64 ЦАМО Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 67.
- 65 Битва под Москвой. М., 1989. С. 249.
- 66 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 556. Л. 171–178.
- 67 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 139. Л. 52–54.
- 68 ЦАМО. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.
- 69 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. С. 55–56.
- 70 См. Мартынов В.Е. Угра-фронт. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 2010.; Капусто. Последними дорогами генерала Ефремова. М., 1992; Материалы Историко-архивного поискового центра «Судьба» (1988–2010 гг.).
- 71 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 556. Л. 171–178.
- 72 История Великой войны. В 2 т. Т. 1. Колл. авт. / Под ред. В. А. Золотарева. М., 2010. С. 267.
- 73 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974. С. 52–53.
- 74 Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. С. 239.
- 75 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под ред. Г. Кривошеева. М., Воениздат, 1993. С. 176.
- 76 Рейнгардт К. Поворот под Москвой. С. 219.
- 77 Цит. по: Невзоров Б. Перелом в войне: проблемы и суждения // Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 98.